

Михаил Иванович Венюков

**О физико-географических
условиях расселения русского
народа**

Михаил Иванович Венюков
О физико-географических
условиях расселения
русского народа

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=22109418

Аннотация

«По мере того, как естествознание расширяет круг своих изысканий, влияние его все глубже и глубже проникает в жизнь современных человеческих обществ. И это не только в сфере материальных приложений механики, физики и химии, как, напр., в железных дорогах, телеграфах, красильном искусстве, но и в области самых высоких соображений о судьбах всего человечества. Лучшие умы, передовые люди нашего времени, и даже те из них, которые по складу понятий наклонны к отвлеченностям, мало-помалу отказываются от иной основы для своих теорий, выводов и самой практической деятельности, как та почва, которую доставляет изучение природы...»

Содержание

I	4
Конец ознакомительного фрагмента.	13

Михаил Венюков

О физико-географических условиях расселения русского народа

I

По мере того, как естествознание расширяет круг своих изысканий, влияние его все глубже и глубже проникает в жизнь современных человеческих обществ. И это не только в сфере материальных приложений механики, физики и химии, как, напр., в железных дорогах, телеграфах, красильном искусстве, но и в области самых высоких соображений о судьбах всего человечества. Лучшие умы, передовые люди нашего времени, и даже те из них, которые по складу понятий склонны к отвлеченностям, мало-помалу отказываются от иной основы для своих теорий, выводов и самой практической деятельности, как та почва, которую доставляет изучение природы. Наиболее смелые идут дальше и прямо говорят, что вся история человеческого рода, в которой еще недавно большинство видело чуть не исключительно сферу проявления свободной воли человека и людских страстей,

а иногда мистического предопределения и фатализма, что эта история есть не более, как продолжение истории животного царства, которой *главные черты*, совершенно независимые от человеческой воли, *намечены вперед* и вполне согласны с законами геологии, палеонтологии, зоологии и физиологии. Идеалисты-метафизики, люди горячего воображения и сердца, но не критического ума, борются против этой теории, стараются даже найти для себя точку опоры не в одних преданиях, не в одних старых авторитетах, но из самом естествознании, толкуемом ими по своему (вспомним геолога Де-ли-Беча), но шаг за шагом твердая почва из-под них исчезает, и они должны бывать или оставаться на воздухе, в пустоте отвлеченностей (напр. Гартман), или склонить свою, несколько спесивую, выю перед неотразимостью доводов их противников.¹

---

¹ Ради важности содержания талантливой статьи почтенного автора, не можем отказать себе в удовольствии напечатать ее в нашем журнале, хоть и почитаем несогласным с результатами строгой науки утверждения, что история человечества не более, как продолжение истории животного царства, следовательно не более, как проявление законов жизни физической природы. Против такого отождествления законов физической природы с законами духа восстают не одни идеалисты метафизики, но только люди, как выражается автор, не критического ума, но первостепенные представители науки и точного, строгого мышления. Учение, сводящее психическую жизнь только к канонам внешней природы, неотразимо опровергается трудами таких гениальных исследователей природы, как Тельмгольц и др. (см. его исследования об ощущении звука и по физиологии зрения) и таких физиков, как Тет и др. Приглашаем читателей наших прочесть, но только в подлиннике, *Populäre Vortrage* Гельмгольца и, хоть в немецком переводе, известного физика Вертлейна, последнюю страницу первой лекции из *Vorlesungen über*

В числе вопросов, на решении которых особенно отразилось это современное направление науки и жизни, одним из наиболее крупных является вопрос о размножении и вырождении рас, видов, родов и даже целых семейств растительного и животного царств. Палеонтология совершенно точно, с неотразимою ясностью доказала, что для каждого рода и вида, для каждого племени имеются свои периоды возрастания и упадка, свои эпохи появления на земле и исчезновения с нею. Сигиллярии и древовидные хвощи, очень мелкие нуммулиты и огромные дипотерии и мамонты, плезиозавры и дронты являлись постепенно на земной суше, в водах или в воздухе, распложились увеличивались в числе и объеме, а потом мало-помалу мельчали, становились реже и наконец исчезали совсем. На место их нарождались и размножались другие существа, иногда сходственных типов, иногда весьма отдаленных. Рыбы, бывшие изобильными в девонскую эпоху, заменились гадами в юрскую и млекопитающими в период новейших наносов. Водоросли, хвощи и папоротники переходных образований заменены в наше время растениями двудольными, которые ботаника признает совершеннейшими по устройству и которые вовсе не были известны в силлурийский период. Человек, в западной Европе, стал на место гиен, пещерных медведей, северных оленей и пр., бывших

---

neuere Fortschritte der Physik Teta. Tet обвиняет чистых спиритуалистов не хотящих знать опыта в Thorheit, а материалистов, желающих объяснить волго человека и его сознания, как результаты действий сил физической природы в неспособности мыслить, в Unsinn. Ped.

очень обильными, напр., во Франции, Швейцарии и Бельгии в первое время появления там человеческих организмов. Вырождение этих животных, под влиянием перемен в строении почвы и в климате и борьбы между собою и с людьми, можно следить уже в исторические времена², и эти наблюдения еще раз несомненно подтверждают, что *для каждого органического типа, растительного или животного, есть свои эпохи появления, размножения упадка и исчезания.*

Учение Дарвина о родовом подборе и о борьбе за существование, из которой победителями всюду выходят сильнейшие, т. е. наилучше развитые типы, внесло свет в ту огромную массу данных, из которых извлечен эмпирический закон замены одних типов другими, с искоренением первых. Оно показало, что *иначе и быть не может* в мире организмов, для размножения которых природа поставила пределы, с одной стороны, в *ограниченности протяжения земной суши*, а с другой, в *количестве солнечных тепла и света*, которые суть настоящие возбудители и двигатели органической жизни на нашей планете и *которых годовое количество есть величина постоянная для всего земного шара*, хотя и колеблющаяся около известных средних величин для каждой отдельной местности. Как. только на земле появляются организмы более сильные, более приспособленные к среде, чем

---

² Например, олени исчезли в Швейцарии при конце средних веков. В XII веке они еще составляли любимую пищу, напр., монахов Сен-Галленского монастыря, как видно из сохранившихся ведомостей сборов с монастырских крестьян.

прежде существовавшие их сородичи, так последние начинают склоняться к упадку, потому что средства существования, которые обеспечивали их жизнь, захватываются другими, сильнейшими, а новых земля произвести не может. Усилиями естествоиспытателей средства эти исчислены и изучены с большею или меньшею подробностью, и мы можем теперь без большего труда определять вперед, чего можно ожидать, напр., от растительности страны, которая лежит под такими-то параллелями, в таком-то расстоянии от берегов океана, на такой-то средней высоте над его уровнем и имеет такую-то почву. А затем растительную природою страны определяется уже состав её животного царства, которое питается растительными продуктами. Так, не быв вовсе на Амуре, можно было предсказать, что бассейн этой реки, особенно вблизи Японского моря, имеет климат холодно-влажный, что тамошняя река многоводна и, следовательно, богата рыбою, что почва там покрыта лесами и что, следовательно, там должно быть изобилие пушных зверей, водяных птиц и т. п. Для подобного предсказаний не нужно даже подробно изучать трактаты Декандоля, Гризебаха и Уоллеса о географии растений и животных, а достаточно быть знакомым с учебником земной физики.

Но это еще не все. Зная географическое положение места, его средние температуры, годовую и месячные, количество влажности в воздухе и господствующее направление ветров, можно безошибочно сказать, на сколько оно удобно

для жительства людей. Тот, кто бы, напр., вздумал уверять, что страны на юг от Алжира, Туниса и Триполи или на восток от Каспийского моря могут вмещать в себе многочисленное и оседлое население, мог бы без труда быть опровергнут простым перечислением невыгодных физико-географических условий этих местностей. Естествоиспытатель сказал бы ему, что если средняя годовая температура Сахары выше, чем, напр., Ломбардии, то крайности наибольшей и наименьшей теплоты, вредные для большей части организмов, в ней гораздо чувствительнее, чем в долине По, а атмосферное орошение совершенно ничтожно, так что никакая древесная растительность там невозможна, а травяная может существовать только в течении очень короткого периода дождей, да и то лишь в долинах, где влага скопляется с соседних высот и где её испарение от ветров замедляется присутствием тех же высот. Напротив, не нужно ездить на Зондские острова, чтобы представить себе, что в этом архипелаге почва должна быть покрыта богатейшею растительностью, преимущественно древесною, что климат его – влажно-жаркий, с редким постоянством температуры по временам года и даже по часам дня, что при роскошной флоре там должна быть и богатая фауна и что, следовательно, человеку там легко питаться и вообще жить без большего труда.

Как скоро мы стали на эту точку зрения на условия географического распространения людей, так, независимо даже от увлекательных теорий таких великих учителей, как Бэр, Рит-

тер, Бокль и пр., перед вами с совершенною ясностью становится положение, что *в этом распределении гораздо сильнее дает себя чувствовать физическая природа страны, чем свободная воля человека*, хотя бы вооруженного всеми орудиями современной цивилизации. Напрасно, например, было бы мечтать о заселении северной Сибири или закаспийских степей оседлыми земледельцами; напрасно думать, что на побережьях Охотского моря может процветать что либо, кроме звериной и рыбной ловли и лесных промыслов. Неорганическая природа, конечно, не зависят от климатов, и где-нибудь на верховьях Майи или Уды могут быть отысканы россыпи золота, способные привлечь немало людей; но с истощением металла окрестная страна должна опять обратиться в местную пустыню.

Эту зависимость между физико-географическими условиями страны и возможностью заселения её людьми не трудно выразить некоторыми цифрами, хотя нельзя не признаться, что они относятся к вопросу несколько косвенно, так как вообще география животных организмов доселе почти вовсе не имеет численных данных. По закону Девандоля для созревания сама-то неприхотливого хлебного злака, ячменя, нужно, чтобы развивающееся зерно получило в сумме около 1750° Ц. тепла за все время развития и чтобы притом это тепло никогда не было менее 0° : иначе всходы, цветы или плоды погибнут от холода. Для яровой пшеницы нужны: до 2100° тепла, средняя температура периода созревания от 15

до 20° Ц., а наименьшая до 3–4° Ц. Кукуруза требует 2.600° тепла и средней температуры периода созревания в 20° Ц. и т. д. Отсюда ясно, что если какое-либо человеческое племя привыкло питаться одним из этих хлебов и думает переселиться в страну, где он не может созреть, то оно не найдет привычных для себя условий жизни и должно будет изменить привычки и потребности и даже может вовсе изнемоть в борьбе с недостатком нужных ему условий, т. е. уменьшиться в числе или и совсем выродиться. Конечно, человеческий организм гибок; он иногда очень легко заменяет одну пищу другою. Но если эта последняя не доставляет ему прежних количеств азотистых и без азотных веществ, то самый организм изменяется, начинает худеть, истощаться, порода распложается медленнее прежнего, подвергается частым болезням и затем вымиранию. Мы можем сказать, что, в общем итоге, для современного европейца страна с 0° годовой средней температуры и с таким летом, которое не дает возможности созреть хоть одному из европейских зерновых хлебов, есть страна неудобная для жизни. И в самом деле, взяв для сравнения две карты, этнографическую и годовых изотермов, мы увидим, что лишь в немногих местностях европейская жизнь устроилась за нулевою линией, а где и перешли ее к северу, то там наверно лето столь же тепло, как где-нибудь в Париже или хотя в Москве, Иркутске, Барнауле, Нерчинске находятся именно в этих последних усло-

---

³ Средние температуры в этих городах суть: В Барнауле годов. $0,4^{\circ}$ Ц. летняя $17,6^{\circ}$ Ц." Иркутске " $0,5^{\circ}$ " $16,5^{\circ}$ " Нерчинске " $3^{\circ},8$ " $16^{\circ},4$ Ср. темп. лета в Москве $17^{\circ},7$ Ц.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.